

Елена Тырышкина

МОТИВЫ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ А.РЕМИЗОВА

Статья посвящена анализу смысла и функции мотивов русского старообрядчества в художественной структуре повести А.Ремизова “Крестовые сестры” (1910), а также других произведений писателя (роман “Пруд”, рассказ “Чортик” и др.). Быт, идеи, образы, мифы, восходящие к культуре русского раскола, становятся у Ремизова составной частью его концепции “Святой Руси”, которая осталась в историческом прошлом. “Святая Русь” противопоставлена надвигающемуся Апокалипсису современности (отсюда - апокалиптические мотивы в “петербургском мифе” А.Ремизова). Оригинальность и парадоксальность ремизовской трактовки старообрядчества связана с привнесением в него элементов древнерусской смеховой культуры и их обыгрыванием в мире современного Петербурга.

В творчестве Ремизова “золотой век” спроецирован в своем художественном воплощении на допетровскую Русь, которую автор воспринимает в стилизованном, идеализированном варианте, хотя он не может не знать всего существа дела - увлечение писателя древнерусской историей и культурой общеизвестно. “Святая Русь” - невозвратно ушедшее прошлое, которому никогда не стать будущим (в чем Ремизов видит трагедию русской культуры). Черты мифологизированного облика “Руси-мученицы” складываются из реликтов народного творчества - фольклора, апокрифов, духовных стихов. При этом писатель не просто пересказывает первоисточник, дополняя его собственными словесными украшениями, - он пытается воссоздать “пратекст” в таком виде, который кажется ему истинно русским. Этим объясняется стремление автора не только осовременить библейские, апокрифические, былинные мотивы, но и предельно русифицировать их (вслед за традицией народных легенд). Примером такой обработки источников может служить повесть “О безумии Иродиадином”, где во дворце Ирода пляшут скоморохи, “Рождество Христово” - вместе с вифлеемскими младенцами солдаты убивают Петьку, персонажа явно не из библейских времен, и т.д. А в “Крестовых сестрах” Вера Кликачева поет оригинальную “старину”, в которой Богородица плачет над всею Русью-Святорусской и заходит в Неву-реку. Известно, что во время работы над

“Крестовыми сестрами” Ремизов читал различные труды по фольклору - А.Д.Григорьева, А.Ф.Гильфердинга, Киришу Данилова и т.д. (см. письмо Ремизова И.А.Рязановскому от 14 июня 1910 г. (Ремизов 1910: 9)). “Старина” Кликачевой является осовремененной контаминацией сюжетных линий былин “Батыга и Василий Игнатьевич” и “Туры”.

В этой связи нужно отметить и мотив старообрядчества как составляющую авторской концепции “Святой Руси”. Образы “Святой Руси” у Ремизова ассоциируются прежде всего с “матерью-пустыней”, писатель обращается к излюбленному старообрядцами стиху об Иосафе-царевиче. В романе “Пруд” детские моления братьев Огорельшевых, пение стиха об “Иосафе-царевиче индейском” противопоставляются “игре в большие священники”, пародирующей официальную церковь. Незамутненный образ “мати-пустыни”, где “овца ляжет около тигра”, станет для Александра Огорельшева светлым воспоминанием ранней юности. И в “Пруде”, и в других произведениях Ремизова “мати-пустыня” - это потерянный рай, В “Пруде” образ потерянного рая является сплавом традиционных образов: “пустыни” и Китеж-града. Во “Взвихренной Руси” - идеальная, старая Россия видится писателю как “мать-пустыня” и московский Кремль. В “Крестовых сестрах” символом гибнущей традиционной культуры является Кликачева, олицетворяющая “Святую Русь”, которой суждено умереть на костре (намек на самосожжения раскольников).

Общеизвестно и преклонение Ремизова перед авторитетом Аввакума. Но Аввакум у него тоже идеализирован - для Ремизова легендарный протопоп не столько мученик за праведную веру, сколько талантливый писатель, предтеча на пути возрождения лада русской речи (о знакомстве с бытом и нравами современного ему старообрядчества повествует и рассказ Ремизова “Чортик”, где нет и следа идеализации героя, принадлежащего скорее всего к раскольникам-беспоповцам). У Ремизова нет ни слова о нетерпимости, жесткости характера Аввакума, о его нелюбви к “веселым людям” - скоморохам, столь любимым самим Ремизовым. “Старое доброе время” - это художественная иллюзия писателя и включает в себя не только знаки старообрядческой культуры, но и культуры фольклорной, в некоторых своих проявлениях (смеховых, обрядовых) совершенно несочетаемых друг с другом.

Обратимся к подобным фактам. Используя в своей повести “Что есть табак” сюжеты, считающиеся традиционно принадлежащими и к культуре раскола, писатель обращается к сочинению иеромонаха Парфения, который, как писал Барсов, “был скорее плодовитым, нежели даровитым обличителем раскола” (Брокгауз 1897: 909). Эпизод, где Богородица сама правит службу,

является очевидным нарушением канона, а истолкован он может быть двояко: женщина могла выступать в этой роли, если она хлыстовка (иногда такое бывало и в некоторых раскольничьих согласиях.)

В сборнике “Весеннее порошье” обращение к памятнику старообрядчества становится очевидным из авторских комментариев: слово “порошье” взято им из “Жития инока Епифания”. Напомним, что Епифаний был сподвижником Аввакума и овеян таким ореолом святости, что повествование о кончине инока заканчивается тем, что он не сгорел, подобно собратьям, а вознесся (Барсков 1912: 392-393). Однако примечательно, что “порошье” появляется в самом “пикантном” фрагменте “Жития...”, привлекающем внимание Ремизова: “Что же по сих, не возможе бо диявол пакости сотворити ми, келии моей сожещи, он же злодей инако покусися: насадил бо ми в келию червей множество много, глаголемых мравии. ... И начаше у мене те черви мураши тайныя уды ясти зело горько и больно до слез. ... И аз гнездо их кошницею носил в воду, а они болши тово наносят всяково порошья туды” (Барсков 1912: 237-238). Смешение кощунственного и святого - вполне в духе писателя, структура сборника являет собой прихотливую смесь обработок древнерусских памятников, собственных “оригинальных” произведений о жестокости бытия, дополняемых фривольностями (сказка о Додоне в “Окационе”) и снами (“Кузовок”). В этом сборнике образ потерянного рая также воплощается в уже привычном варианте - в авторской версии духовного стиха “Прекрасная пустыня” (Ремизов 1915: 164-165). Пустынное житие было для безымянного героя “милостью и правдой”, но он вынужден с ним расстаться (“теперь ты огню предаешься, <...> ты горишь - в которую страну посылаешь?”). Герой изгнан самой жизнью из тихой обители и идет в мир, чтобы стать пророком: “<...> буду о тебе рассказывать, о твоей правде и милости и защите. <...> будут бить меня больно, все претерплю ради правды твоей, прекрасная пустыня, любимая моя мати. <...> И уйду за тобой с легким сердцем <...> в жизнь вековую <...>” (Ремизов 1915: 165). Скорее всего Ремизов использовал вариант, опубликованный В.Баренцевым, который затем перепечатал С.Рождественский:

О прекрасная моя пустыня,
Любимая моя другиня!
Пришли тебя зажигати,
Со мной тебя, мати, разлучати,
Огню ты, мати, предаешися,
Ты со мною ныне растаешися,

Душевное мое спасение,
Плотское мое оскорбление!
За то с тебя почитаю,
и матью называю,
Что ты льстивую мою плоть оскорбляешь,
Души моей грехи очищаешь,
Безмолвная и мати пустыня,
Безмолвная и несправадливая,
Безропотная нестроптивая,
Смиреномудренная, терпеливая.
Теперь ты меня покидаешь,
В которую страну посылаешь,
Прекрасная мати пустыня,

Любимая моя другиня? (Варенцов 1860: 192-193)

На основе одного из вариантов духовного стиха Ремизов создает свою версию: только из “пустыни” могут появиться пророки, но они обречены.

Хотя понятие нравственного идеала у Ремизова и восходит отчасти к культуре раскола, ясно, что писатель обращается к этой культуре не как идеологическому, а как эстетическому феномену. Обращение его к источникам весьма вольно и лишено религиозного пиетета, а сочетание эротической и подвижнической тем говорит о неординарном восприятии старообрядчества.

Добавим еще несколько примеров для доказательства вышесказанного: одним из самых популярных памятников старообрядцев являются “Страсти Христовы”, которые начинаются обычно “Чудом о воскрешении Лазаря”, а заканчиваются “Сказанием об Иуде предателе” Иеронима. У Ремизова есть произведение под названием “Страсти Господни”, но оно никак не напоминает указанный памятник. Разве что у Ремизова тоже упоминается о приходе к Пилату Иосифа Аримафейского и Никодима, которые просили взять тело Христа для погребения. На этом сходство заканчивается, ремизовский текст “Страстей...” является вольной переработкой различных источников, в том числе и фольклорных. А самое главное - основная идея произведения принадлежит автору (вечное противостояние Бога и Дьявола, четко выраженный дуализм): “Стал Сатанаил перед Крестом и смотрел на

Христа. И со Креста, подняв тяжелые веки, смотрел на Сатанаила Христос. Друг против друга, - как царь и раб, как брат и враг, как царь и царь, как брат и брат, как враг и враг, как спаситель и покинутый, - перекрещивались глаза их” (Ремизов 1912: 131-132).

Живописуя “последние времена” разрушения русской культуры во время революции, писатель также использует устойчивые мотивы раскола: вся страна у него “огненная пустыня”, а о наступлении Апокалипсиса говорит появление антихриста в телесном облике, которого якобы видела героиня одноименного рассказа “Бабушка” из “Взвихренной Руси”: “<...> три ему года, три лета, ... и было знамение при крещении...” (Ремизов 1990: 31). Неизвестно, воспользовался ли писатель услышанным устным апокрифом или же сам сочинил его. Скорее можно предположить последнее: на самом деле у ранних старообрядцев существовало поверье, что антихрист будет человеком, а не духом, и царство его продлится три с половиной года, после чего должно наступить господство правды - Христа (Рождественский 1910: XVI).

Итак, мы видим, что хотя нравственный идеал писателя и ориентирован на положительные ценности раскола, но он ими не исчерпывается. Образ “Святой Руси” в творчестве Ремизова - это не только строгий скит в “пустыне”, но и - игры скоморохов, верования “народного христианства” (сочетание языческих и христианских элементов наблюдается нередко в одном и том же тексте - см. “Страсти...”). Писатель создает свой собственный образ истинно русского, смешивая все и вся, выдерживая только один принцип - “что старо, то свято” (принадлежащий, кстати, раскольникам, в чем и заключается своеобразный парадокс художественного мышления Ремизова). В.Розанов в “Психологии русского раскола” писал о “вечных усилиях найти древнее, правильное, целостное христианство” (Розанов 1990: 52). Ремизов пытается осуществить ту же идею, только своими средствами, и сконструировал миф о “Святой Руси”. Стремление сохранить ускользающее прошлое, казалось бы, сближает его с раскольниками, он пользуется знаками их культуры, однако достигает обратного эффекта: Ремизов не отсекает, подобно раскольникам, все, что не входит в их систему ценностей, а сочетает, синтезирует знаки различных, иногда резко оппозиционных по своему значению и функционированию культур. В результате мы сталкиваемся со своеобразным типом восприятия традиции, когда в авторской версии соединяются изначально несочетающиеся элементы.

ИСТОЧНИКИ

Барсков Я. 1912. Памятники первых лет русского старообрядчества. Санкт-Петербург: Тип. М. А. Александрова.

Ремизов А. 1915. Весеннее порошье. Санкт-Петербург: Сирин.

Ремизов А. 1910. Письмо А. Ремизова И.А.Рязановскому (14.06.1910 г.) - ОР РНБ. Ф.634.0п. 1 .Ед.хр.31 .Л.9.

Ремизов А. 1912. Собрание сочинений: В 8 томах. Санкт-Петербург. Т.2.

Рождественский С. 1910. Памятники старообрядческой поэзии. Москва.

Розанов В. 1990. Религия и культура. Москва: Правда.

Варенцов В. 1860. Сборник русских духовных стихов В. Варенцова. Санкт-Петербург: Изд. Д. Е. Кожанчикова.

Брокгауз 1897, Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Изд. Ф.А. Брокгауза и И. А. Евфрона. Т. XXНа.

VANAUSULISTE TRADITSIOONID A.REMIZOVI LOQMINGUS

Resumee

Artikkel on puhendatud vene vanausulisuse motiivi tähenduse analüüsile A.Remizovi jutustuse "Risti oed" (1910) ja ka teiste jutustuste ilukirjanduslikus struktuuris. Uheks peamiseks kontseptsiooniks A.Remizovi jutustuses on "Piiha Vene" ja ka poordumine vanausulisuse motiivide analüüsile puhendatud spetsiaalse kirjanduse poole, mis on moodapaasmatu, arvestades A.Remizovi pidevat huvi 17.sajandi kirjanduse ja kultuuri vastu. Paljud "Risti odedes" ette tulevad motiivid ja kujundid on parit vanausuliste seas levinud populaarsetest luuletustest, legendidest ja muistenditest. "Risti ode" ideelises struktuuris on "Piiha Vene" kujund loodud ajalukku jaanud kaotatud Paradiisina, mis vastab taelikult vanausuliste ettekjutustele "Piihast Venest". Vanausuliste ettekjutusele viimasest "Vana Venest" on vastandatud kirjanikule kaasaegse vene olustiku apokaliips, kust on kadunud peamised eetilised vaartused. Samas A.Remizov mitte ainult ei taasta vanausuliste miiti, vaid ka motestab selle iimber, lisades miitidile vanavene naerukultuuri elemente. Siit tuleneb A.Remizovi ebatavaline ja sageli ka paradoksaalne nagemus kultuuri lahknemisest.

THE MOTIFS OF THE RUSSIAN OLD BELIEF IN A.REMIZOV S TALES

Summary

The article is dedicated to analysis of sense and function of the motifs of the Russian Old Belief in structure of Remizov's tales, especially in his tale "The Sisters in the Cross" (1910). One of the main conceptions in Remizov's tale is the conception of "The Holly Russia" and our appeal to the motifs of the Russian Old Belief for our research to be a rightful and necessary approach (considering Remizov's permanent interest to the culture and literature of the XVII century). Many motifs and images of the Remizov's tale "Sisters in the Cross" ascend to the Russian spiritual songs, legends, spiritual songs, Old Belief apocrypha of the XVII-XVIII centuries. In structure of the "Sisters in the Cross" the image of "the Holly Russia" was created on the base of the Old Belief notions of it as the lost Eden. The Apocalypse of the contemporary Russian reality (the Petersburg is the symbol of this reality), where the main ethical valuables have been lost, is opposed to the last "Holly Russia", this lost Eden, ore "the Gold Age". At the same time Remizov makes attempt to reconstruct not only the Old Belief Myth, but proposes its new interpretation, complicated by elements of Old Russian laugh culture. Therefore Remizov's point of view to the Old Belief culture is so original and paradoxical.